

НАДПИСИ БОСНОРА

(Заметки и публикации)

СПИСОК ИМЕН

1

В архиве Керченского историко-археологического музея им. А. С. Пушкина хранится выцветшая старинная фотография обломка плиты с греческой надписью. На обороте запись карандашом, сделанная, судя по орфографии, не ранее 1917 г.: «Фрагмент античной надписи в Анапском музее». На обложке, в которую вложена фотография, тем же почерком помечено: «Подлинник утрачен». Обстоятельства находки и передачи камня в Анапский музей, так же как и последовавшей затем утраты его, остались неизвестными. Но в начале 1951 г. тот же самый обломок плиты был принесен и оставлен во дворе Анапского музея неизвестным лицом. Вновь возвращенный на первоначальное место своего хранения и до сих пор не опубликованный памятник был заактирован директором музея А. П. Сатовым, обнаружившим неожиданную находку. В акте он обозначен как найденный в Анапе, предположительно в конце 1950 — начале 1951 г. Хранится в Анапском музее краеведения (рис. 1).

Обломок представляет правый верхний угол плиты белого мрамора, украшенной треугольным фронтоном, обведенным плоской рамой. Плита обломана со всех сторон, кроме нижней части правой покатости фронтона, вследствие чего установить первоначальную форму плиты невозможно.

⁹³ В свете этого следует рассматривать и то, что сказано по этому поводу в «Истории Мидии», стр. 180—187, 333, 432 сл. Категорическое утверждение М. А. Д а н д а м а е в а в рецензии на эту книгу (ВДИ, 1958, № 3, стр. 172): «Слово *κῆδος* следует переводить „хозяйство“, а не „общинное родовое поселение“», кажется нам преждевременным.

частную длину строк не представляется возможным. Высота обломка 0,18 м, ширина 0,35 м, толщина 0,04–0,015 м. Под фронтоном тщательно вырезанная по линейкам надпись, от которой сохранились обрывки четырех строк: высота букв 0,015–0,013 м.

Рис. 1. Первый обломок списка имен из Апапы

Ни одна строка не сохранила ни начала, ни конца. В 4-й, наиболее сохранившейся строке сбиты в конце примерно две буквы.

Текст надписи:

..... υος Ἡγουμένου, Γαδικίος Ἀ[γα-
 φος? ἰων Ποφου β', Ψεμιθλια[νος? . . .
 Ἀτ[τα], Ορτικας Παβα, Ἀγα[φος? . . .
] ε Πατέρα, Νουμή[νιος]
 5 [εξ?]

Перевод:

« сын Гегумена, Гадикий, сын А[гафа?] . . .
 ион сын Пофа, сына Пофа, Псемифана[н?], сын . . .
 сын [Атт]а, Ортик, сын Паба, Агаф, сын . . .
 сын Патера, Пумеший, сын . . . ».

Сохранившиеся в 5-й строке верхние части трех букв представляют, возможно, обозначение даты по боспорской эре. В таком случае надпись должна быть отнесена к 465 г. б. э., т. е. к 168 г. н. э. Характер письма соответствует этой датировке.

Текст представляет отрывок списка имен. Среди дошедших до нас надписей древней Горгины едва ли не большая часть представляет надписи, содержащие списки имен граждан этого города. Большинство таких списков принято относить к числу надписей фиаситов, хотя далеко не всегда это можно утверждать с полной уверенностью, когда фрагментированные тексты не сохранили термина «фиас» или «спнод» или наименования должностных лиц этой организации. Однако подобные предположения могут считаться вероятными в случаях утраты начала надписи, содержащего обычно название фиаса и перечисление его должностных лиц. Своеобразие данного документа заключается в том, что мы не видим никаких следов вступительной формулы, определяющей характер и назначение документа: 1-я строка начинается перечнем имен граждан в именительном падеже с обычным обозначением патронимика в родительном падеже. В силу этого назначение этого списка имен остается неясным.

В составе имен сохранившегося текста надписи заслуживает внимания Ψεμιθλια[νος?], которое до настоящего времени в ономастике Северного Причерноморья не

встречалось¹. Что касается других имен, то можно отметить, что состав их характерен для надписей Горгиинии и других областей восточной части Боспора. Так, греческое имя Ἡχομένος и северокавказское Γαδικίος ², многократно зафиксированное в надписях Горгиинии, в других центрах Северного Причерноморья не встречались. Употребление остальных имен, за исключением широко распространенного Ἀγαθοῦς , таких, как Ορτοχας , Παβας ,³ Πατέρας , Πεθος , Νουμήμιος , при всем различии их этнического происхождения является характерным для ономастики азиатских областей Боспора (Фанагория, Танаис) и, в частности, главным образом для Горгиинии.

2

Летом 1948 г. житель города Анапы Ефим Долбнев нашел в Малой бухте Анапы обломок плиты белого мрамора с древнегреческой надписью и в 1951 г. передал его в Анапский музей краеведения, где он хранится в настоящее время (рис. 2). Высота обломка 0,22 м, ширина 0,39 м, толщина 0,07—0,075 м. Плита обломана со всех сто-

Рис. 2. Второй обломок списка имен из Анапы

рон, кроме правой. Если считать, что сохранившийся в начале 8-й строки патронимик [Ἀντιμάχου] относится к имени Χρη[στίων] , начало которого сохранилось в конце 7-й строки, то можно предположить, что ширина целой плиты равнялась примерно 0,5 м. Судя по небрежной обработке сохранившегося правого края, в древности плита была вделана в стену. Надпись начертана по тонким еле заметным линейкам глубоко и тщательно врезанными буквами высотой 0,015 м. Сохранились отрывки 12 строк.

Текст надписи:

 1 ----- ν]ος, Κάλλ[λ-
 ιστος? ----- Γ]λυκαρίωνος, Ἰοῦ-
 [λιος -----]Ἀγαθοῦ, Κοθίνας Μαστου,
 ----- Χρηστίωνος, Κάλλιστος Δασ-
 5 [σει ----- Φ]αρνάκου, Ἡδυκος Ἀττα, Χρηστίων

¹ Ср. в ольвийских надписях имена Φλιανος — IOSPE, I², 101 и Ἰθλιανος — IOSPE, I², 687; о них см. L. Z g u s t a, Die Personennamen griechischer Städte der nördlichen Schwarzmeerküste, Praha, 1955, стр. 164, § 242 и стр. 310, § 653.

² Z g u s t a, ук. соч., стр. 88, § 92.

----- οϋ, Χρηστοῦς Φαρνακου, Φαρνάκης Παβα,
 ----- Ψυχαρίων Ἀγαθοῦ, Φαρνάκης Δασσει, Χρη-
 [στίων Ἀντ]ιμάχου, Ἐρωσ Μενεστράτου, Ἐπαφρόδει-
 [τος] -----]γας, Δαδας Ταυρέα, Γαδικίος Ἀθην[ο-
 10 [δῶρου, Ἀρδα]ρῶς Ἀρδαρου, Ἀπολλώνιος[-----
 ----- Πα]ντακλέους, Νεοκ[λῆς -----
 ----- ρου, Κάλλ[ιστος -----

Перевод:

«... Кал[лист]?, сын... сын [Г]ликарiona, Ю[лий], сын... сын Агафа, Ко-
 тин, сын Маста, ... сын Хрестiona, Каллист, сын Дассия, ... сын Фарнака,
 Гедик, сын Атта, Хрестion, сын..., Хрест, сын Фарнака, Фарнак, сын Паба, ...
 Психарион, сын Агафа, Фарнак, сын Дассия, Хрестion, сын Ант]имаха, Эрод, сын
 Менестрата, Эпафродит, сын..., Дад, сын Таврея, Гадикий, сын Афин[одоу, Арда]р,
 сын Ардара, Аполлоний, сын..., сын Пантакла, Нео[кл], сын..., Каллист, сын...»

Публикуемый фрагмент представляет отрывок списка имен, возможно, фиаситов. Почти все сохранившиеся на камне имена хорошо известны из надписей Боспора, некоторые из них, как Γαδικίος, Κοθίνας, встречаются только в Горгиипии, и происхождение их следует, вероятно, связывать с северокавказскими племенами. Другие, как Δασσεις (ср. Δασεις — IOSPE, II, 383 и Δασος — IOSPE, II, 376), Παβα, Ταυρέας³, — характерны для восточных областей Боспорского царства первых веков н. э. (Таманский полуостров, Танаис). Ἦδυκος (ср. сходное имя Ἦδύκων в танаисской надписи IOSPE, II, 437) в надписях, найденных на Боспоре, не встречалось, но в надписи, найденной в Риме (IG, XIV, 1636), упоминается Ἦδύκος Ἐβδου πρεσβυτῆς Φαναγορείτων τῶν κατὰ Βοδρὸς πόρον.

По характеру письма надпись следует отнести к последней четверти II в. н. э.

НАДГРОБИЯ

3

Камень был найден в августе 1955 г. в Анапе, в центральной части города, на участке, где археологической экспедицией ИИМГ АН СССР производились раскопки античного некрополя, на территории раскопа № 2. По словам И. В. Поздеевой, производившей раскопки, плита лежала изображениями вниз, закрывая могильную яму, вырытую в материке, и, возможно, была использована для перекрытия могильной ямы. Рабочим СУ № 6 С. О. Мордовским памятник был доставлен и сдан на хранение в Анапский музей краеведения вместе с найденными там же небольшим сосудом желтой глины и несколькими бусинами из стеклянной пасты.

Прямоугольная плита из крупнозернистого известняка, сохранившаяся почти без повреждений. Высота плиты 1,32 м, ширина 0,45—0,48 м, толщина 0,145 м. Внизу — закругленный выступ, вставлявшийся в постамент. Сверху плита была украшена узким гладким карнизом, рельефным профилированным фронтоном с четырехлепестковой розеткой в тимпане и двумя гладкими удлиненными акротериями. В прямоугольном углубленном поле высечен рельеф, изображающий стоящих мужчину и женщину: справа мужчина с подстриженными в кружок волосами и короткой бородой, в плаще и сапогах, стоит обращенный к зрителю. Слева — женщина, слегка повернувшись к мужчине, в ниспадающем до полу хитоне, в калафе и пеплосе, накинутом на голову.левой рукой она отводит от лица покрывало, а правой опирается на невысокий тонкий столбик. В левом углу служанка с сосудом в руках, в правом — слуга в штанах, сапогах и коротком плаще, накинутом на голову в виде капюшона. Оба повернуты в три четверти к центральным фигурам рельефа (рис. 3).

³ Имя Ταυρέας встречается только в надписях Танаиса: IOSPE, II, 430, 451, 456 — в виде патронимика с окончанием род. пад. на — ου.

В момент находки стела сохраняла следы раскраски, о чем нам любезно сообщила Н. В. Поздеева: лапальметте — розовой, на одеждах человеческих фигур — сине-зеленой, лиловой и бледно-розовой. В настоящее время остатки красок исчезли. Поверхность плиты под рельефом сильно избита, по-видимому, с целью уничтожения более древней надписи, слабые следы которой кое-где заметны.

Рис. 3. Надгробие Гепатниона, сына Патера

Древняя, уничтоженная надпись была многострочной, возможно метрической. Отдельные мелкие буквы ее, сохранившиеся ниже, более поздней, читаемой в настоящее время надписи (ω, ιω, ζ, ς, ε), по характеру письма (особенно по форме раздвоенных остроконечных апексов на концах ω) позволяют предположить, что древняя надпись принадлежала времени не позже I в. до н. э.

В настоящее время сохранилась более поздняя надпись, начертанная под нижним краем рельефа при вторичном использовании памятника. Для устранения более древней надписи, две верхние строки которой были вырезаны, вероятно, более глубоко и более крупными буквами, чем остальной текст, поверхность плиты под рельефом была грубо и небрежно сбита и сбитое место оставлено неглаженным. Позднейшая надпись вырезана на этой сбитой неровной поверхности глубоко, но крайне небрежно, первыми буквами без линеек. Высота букв 0,015—0,02 м (рис. 4).

Ἰππατῖων Πατῆρα
χαῖρε

«Гепатнион, сын Патера, прощай».

Имя Ἰππατῖων в надписях Северного Причерноморья встречается впервые. Πατῆρας встречалось

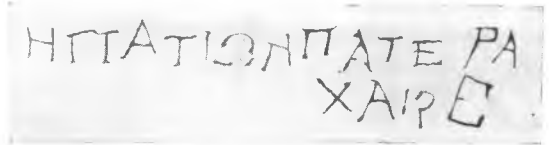

Рис. 4. Надпись Гепатниона, сына Патера

пока лишь в одной надписи с Таманского полуострова (IOSPE, II, 369) и в издаваемой здесь под № 1 надписи из Горгишии (ср. сходные имена в пантикапейской надписи времени царя Тейрана — IOSPE, II, 29 В — Πατῆρος и в херсонесской надписи — IOSPE, I², 359, 31 сл. — Πατ[ε]ρ[ω]).

При столь небрежном начертании нашей надписи высказаться с уверенностью на основании характера письма о ее датировке довольно трудно. Наиболее правильным кажется отнесение ее к I в. н. э.

Памятник найден 6 марта 1953 г. в земляной насыпи крепостного вала г. Анапы в районе пересечения улиц Протанова и Астраханской при планировке участка бульдозером. Хранится в Анапском музее краеведения.

Прямоугольная плита белого мрамора, разбитая по середине на две части по косой линии. Отбит левый нижний угол, имеются сколы в верхнем правом углу, на правом и левом краях лицевой стороны плиты и частичные повреждения рельефов и надписей. Правый нижний угол имеет незначительный срез для установки в постамент. На плоскости грубо обработанной верхней грани плиты имеются два паза для прикрепления утраченной венчающей части, которая была изготовлена из отдельного куска мрамора, и один паз в левом верхнем углу. Кроме того, в правом ребре, на уровне верхнего рельефа — еще один паз с сохранившимися остатками железного штыря. Высота плиты 1,28 м, ширина 0,43 м, толщина 0,13 м.

Надгробие украшено тремя рельефами, расположенными один над другим и помещенными каждый в углубленном прямоугольном поле. На нижних рамах верхнего и среднего рельефов помещены надписи с именами погребенных (рис. 5). Верхний рельеф изображает «загробную трапезу» — возлежащего на ложе мужчину, перед ложем — столик с сосудами. В правом углу фигурка раба и собака. Ложе с точными ножками и изголовьем, украшенным львиной головкой, покрыто тканью. На изголовье две подушки. Столик с вогнутой поверхностью на трех ножках в виде согнутых в колене ног двукопытного животного, заканчивающихся вверх львиными головками. На столике три сосуда, черпак для вина и два плода. Внизу между ножками ложа — плоский сундук. Возлежащий на ложе мужчина средних лет левым локтем опирается на подушки, держа в левой руке неясный предмет, а правой берет сосуд со стола. Лицо его с тщательно причесанными, вьющимися волосами и короткой курчавой бородой носит ярко выраженные черты индивидуального портрета. Стоящий у изголовья раб одет в короткий плащ и сапоги. Возле него стоит на задних лапах собака-лайка, опираясь передними лапами о ножку стола.

Под рельефом надпись (высота букв 0,023—0,015 м; рис. 6):

Γλικαρῖον Ποφίσκου χαῖρε.

«Гликарион, сын Пофиска, прощай!».

Второй рельеф изображает всадника на спокойном стоящем коне, обращенном влево. С левой стороны стоит лицом к зрителю юноша, между ним и всадником фигурка раба. Всадник — юноша с безбородым лицом, обрамленным короткими локонами, одетый в плотно облегающие ноги штаны, рубашку с длинными, отогнутыми внизу рукавами, короткий походный плащ, скрепленный фибулой на правом плече, и обутый в низкие мягкие сапожки. Левая рука его держит поводья, конец которых в виде кисточки из трех ремешков свешивается под кистью его левой руки. У левого бедра — горит, в котором видны лук и стрелы. Изображенный слева юноша, закутанный в плащ, обут в такие же, как и всадник, низкие сапожки. Он стоит, обращенный в фас, скрестив ноги, опираясь левым локтем на низкую колонну, правая рука его также лежит на колонне. Лицо юноши сбито. Стоящий между ними раб, обращенный к всаднику в три четверти и одетый в короткий плащ, штаны и сапоги, держит в опущенных руках кувшинчик.

7 Вестник древней истории, № 4

Рис. 5. Надгробие Гликариона, сына Пофиска, и Гедина, жены Агафа

Под рельефом надпись; (высота букв 0,03—0,02 м; рис. 7):

Ἡδὸν γυνὴ Ἀγαθοῦ χ[αῖ]ρε
 Γλυκ[α]ρίων -----

 «Гедин, жена Агафа, прощай!
 Глик[ар]ион?
»

Ниже в более узком углублении — третий рельеф, изображающий сидящую в кресле женщину в профиль вправо. Слева за креслом служанка с сосудом в руках.

Рис. 6. Надпись Гликариона, сына Пофиска

Кресло точеной работы с подлокотниками и низкой спинкой. На кресле высокая подушка. Под ногами низкая скамеечка в виде маленького профилированного постамента. Лицо сидящей женщины обращено прямо к зрителю, торс повернут в три четверти.

Рис. 7. Надпись Гедин, жены Агафа

Она одета в хитон и покрывало, накинутое на голову, край которого она поддерживает левой рукой; правая лежит на коленях.

Относительно высеченных на плите рельефов и надписей под ними можно высказать следующие соображения: верхний и средний рельефы изваяны рукой одного и того же мастера и одновременны. От нижнего рельефа они выгодно отличаются тщательностью и мастерством исполнения. Из двух помещенных на плите надписей верхняя безусловно относится к мужчине, изображенному на верхнем рельефе в сцене «загробной трапезы». По характеру письма надпись эта относится ко времени не позже середины I в. н. э. Кого изображает второй рельеф, из сохранившихся надписей неясно. Может быть, это — сыновья покойного Гликариона, умершие к тому времени, когда было предпринято сооружение памятника и потому нашедшие на нем также свое место. Надпись под вторым рельефом имела первоначально не менее двух строк, а может быть, и три строки, если учесть, что приветствие χαίρετε, при длинном патронимике Гликариона младшего, занимавшего значительную часть 2-й строки, было вырезано в 3-й строке.

При сравнении характера письма обеих надписей буквы второй надписи отличаются чертами более позднего времени: заходящий выше пересечения конец правой части букв δ и λ, взамен перекрещивающихся линий верхних концов этих букв, что мы видим на примере α и λ первой надписи. Первая надпись по характеру письма должна быть отнесена к I в.н.э., а вторая—ко II в. н. э.

Совершенно очевидно, что третий рельеф, изображающий женщину, был высечен позже первых двух, хотя бы уже потому, что мастер, высекавший этот рельеф, был вынужден уничтожить нижние строки второй надписи. Таким образом, имя второго

погребенного, за исключением первых трех букв, было уничтожено, а приветствие χαῖρε было перенесено в конец первой строки, причем последние три буквы его, вырезанные более мелко, пришлось, за недостатком места, вынести на боковую раму плиты. Буквы эти пострадали от перелома плиты, но сохранившиеся верхние части их видны на камне.

Кто были Ἦδών и муж ее Ἀγαθός и какое отношение имели они к изображенному на верхнем рельефе Гликарioniу, сыну Пофиска, мы не знаем. Можно лишь предполагать, что Агаф был одним из сыновей Гликарioniа старшего, а сохранившиеся в начале 2-й строки буквы Γλυχ... могли принадлежать имени его другого сына, носившего имя своего отца. Имеет ли, однако, какое-либо отношение изображенная на нижнем рельефе женщина к этим лицам, остается неясным. Появление третьего рельефа следует относить ко II в. н. э.

Публикуемое надгробие было изготовлено, безусловно, по заказу достаточно значительной и богатой горгишской семьи. Об этом говорит не только ценность мрамора как материала, из которого изготовлен памятник, его размеры, но также и сложность работы, требующая высокой профессиональной квалификации. Надгробие принадлежит к серии памятников, вошедших в употребление на Боспоре в I в. н. э., характеризующихся делением стелы на два или даже на три яруса, в которых изображаются сцены из жизни покойного и его семьи, с надписями в узких промежутках между нишами отдельных рельефов. Отметим также отступление от выработанной еще в эллинистическую эпоху схемы архитектурного оформления стелы в виде традиционного фронтона с акротериями и замену его анфемием. Стиль рельефа отличается чертами, присущими боспорскому искусству первых веков н. э., где мягкая пластичность, естественность и правильность в передаче пропорций и движений фигур, воспринятые на Боспоре из эллинистической пластики, уступают место графичности в трактовке деталей, схематизму и статичности поз. Обращает на себя внимание неправильность пропорций лежащего на ложе мужчины, укороченные пропорции его тела, несоизмерно тонкие и короткие руки наряду с крупной головой и мощной шеей, непомерно крупная фигура всадника в сравнении с размерами коня и стоящей возле колонны фигурой второго мужчины, орнаментально графический рисунок складок одежды, волос, гривы коня, статичность поз всех фигур. Наряду с этим следует отметить типичный для искусства этого времени повышенный интерес к изображению деталей обстановки, утвари и одежды, передаваемых весьма реалистично и с большой тщательностью. В деталях одежды, причесок и вооружения подчеркнуты местные черты: пательные рубашки с длинными рукавами, узкие штаны воина, мягкие низкие сапожки, сарматский плащ и лук. Не менее яркой особенностью данного памятника является удачно разрешенная скульптором задача запечатлеть индивидуальные портретные черты погребенного, нашедшие свое выражение в исполнении головы Гликарioniа, сына Пофиска.

Что же касается третьего рельефа, выполненного, как уже отмечалось, позже, чем первые два, то при той же статичности поз, нарушении правильных пропорций (непомерно крупные головы, особенно у сидящей женщины) и графичности в передаче складок одежды, рельеф этот характеризуется значительно более небрежной работой и суммарностью в передаче деталей. Данный памятник представляет любопытный образец семейного надгробия, подвергавшегося в течение длительного времени доделкам и дополнениям как изваянных на нем рельефов, так и относящихся к ним надписей, и был установлен, по-видимому, над могилой, в которой покоились представители нескольких поколений горгишской семьи.

Памятник, найденный в начале июля 1957 г. при рытье погребка местными жителями на хуторе Батарейка в 4 км к северо-западу от ст. Запорожской Краснодарского края, был доставлен в Темрюкский музей краеведения. Осенью того же года он был

перезезен в Краснодарский музей краеведения, где и хранится в настоящее время (рис. 8).

Прямоугольная плита из крупнозернистого известняка с включением ракушек и мелкой морской гальки. Высота 0,84 м, ширина 0,39—0,37 м, толщина 0,13—0,14 м. В правом нижнем углу плиты небольшой срез для установки в постамент. Плита украшена узким карнизом и рельефным фронтоном с тремя розетками и тремя растительными акротериями, из которых средний, выступавший над верхней гранью плиты, сбит. Под рельефом в прямоугольном углублении, заключенном между пилястрами с базами и капителями, изваян рельеф: слева изображена сидящая в кресле женщина, обращенная вправо, справа — стоящая перед ней служанка, обращенная к зрителю с цилиндрическим сосудом в руках. Кресло точеной работы с высокой спинкой и подушкой на сиденье. Сидящая на нем женщина, торс и голова которой обращены к зрителю в три четверти, одета в сборчатую рубашку, длинное платье и накинутое на голову покрывало, край которого она поддерживает у плеча левой рукой. Правая рука ее лежит на коленях. Под ногами женщины низенькая скамеечка.

Рис. 8. Надгробие Аффии, жены Паирсала

Поверхность плиты под рельефом сглажена очень небрежно и сохранила следы работы древнего тесака. Трехстрочная надпись вырезана без линеек крупными (высотой 0,03 — 0,032 м) буквами и читается легко

Αφφια γυνή(ς)
Παιρσαλου
χαίρε

В 3-й строке буква χ вырезана очень неглубоко, и потому очертания ее слабо видны на камне. Кружки между φ и ι в 1-й строке и ниже ι во 2-й строке представляют включенные в известняк круглые гальки.

Женское имя Αφφια, известное из надписей Фракии⁴ и Малой Азии (Лидия, Кария, Ликия, Писидия)⁵, в надписях Северного Причерноморья встречается впервые. На Боспоре встречалось женское имя того же корня Αφφη (IOSPE, II, 217 — Пантикапей, IV в. до н. э. и 366 — Гермонасса, I в. н. э.) и мужское имя того же корня Αφφος или Αφφος и Αφφουος в пантикапейских надгробиях I в. до н. э. (IOSPE, IV, 355), начала I в. н. э. (IOSPE, IV, 286) и 130 г. н. э. (ИАК, 10, 1904 г., стр. 82, № 94). Относительно этнического происхождения этих и других того же корня имен, как Αφφη, Αφφη, Αφφια, Αφφια, Αφφος, Αφφουος, Αφφουος, Αφφουος, встречающихся во Фра-

⁴ G. M i h a i l o v, Inscriptiones graecae in Bulgaria repertae, I, Inscriptiones graecae Ponti Euxini, Serdicae, 1956, № 28, 107, 113, 254, 276.

⁵ Joh. S u n d w a l l, Die einheimischen Namen der Lykien nebst einem Verzeichnisse kleinasiatischen Namenstämme, «Klio», Beiträge zur alten Geschichte, XI, Lpz, 1913, стр. 51 сл.

ки и различных областях Малой Азии, существующие точки зрения со ссылками на литературу вопроса приведены у Л. Згусты⁶. Фракийское происхождение имени Παρθενάδος не вызывает сомнения⁷. По характеру письма надпись следует отнести ко времени не ранее конца I в. скорее к 1-й половине II в. н. э.

К «СТРОИТЕЛЬНОЙ НАДПИСИ ИЗ ГОРГИШПИИ»

В «Вестнике Древней Истории», 1951, № 2, стр. 117—119 Т. В. Блаватской была опубликована в прорисовке с эстампажа древнегреческая надпись, найденная в 1946 г. недалеко от Анапы, сообщающая о воздвижении городских стен царем Савроматом. В 1955 г. фотография этой надписи была опубликована в книге «Античные города Северного Причерноморья» в очерке В. Ф. Гайдукевича «История античных городов

Рис. 9. Надпись о постройке городских стен из окрестностей Анапы

Северного Причерноморья» без какого бы то ни было упоминания надписи в тексте очерка. Значение этой надписи как ценного источника по истории Горгишпии было уже отмечено ее первым издателем. Настоящая заметка посвящена ряду дополнительных соображений, имеющих целью более детально и всесторонне осветить этот чрезвычайно интересный памятник. Прежде всего следует отметить некоторые неточности, допущенные в первых его публикациях. Так, размер плиты (длина 0,63—0,65 м) указан в первом издании неточно. Длина 6-й, наиболее сохранившейся строки равна 0,68 м. Общая же длина плиты вместе с незаполненными текстом краями должна была быть примерно около 0,85 м. Фотография, опубликованная В. Ф. Гайдукевичем, напечатана в сильно отретушированном виде с некоторыми искажениями текста; в первом же издании надписи допущен ряд неточностей в передаче сохранности отдельных букв как в рисунке, так и в транскрипции текста. В силу этого считаю нелишним привести здесь новую фотографию памятника (рис. 9; к сожалению и в этом воспроизведении по вине издательства последняя буква 6-й строки передана неправильно — на камне читается ясно ω).

Текст в строках 1—5 читается легко, и дополнения концов строк не вызывают сомнения. Несколько более сложным является дополнение конца 6-й и начала 7-й строк, так как здесь мы не имеем возможности опираться на известные эпиграфические формулировки и вынуждены попытаться восстановить утраченную часть текста, исходя из сохранившихся остатков букв и общего смысла надписи.

⁶ Z g u s t a, ук. соч., стр. 295, § 595.

⁷ Д. Дечев, Характеристика на тракийския език, София, 1952, стр. 118; Z g u s t a, ук. соч., стр. 284, § 567.

От последнего слова в строке 6-й на камне сохранилось $\pi\lambda\epsilon\iota\omega\dots$ ⁸ Т. В. Блаватская дополняет это слово $\pi\lambda\epsilon\iota\omega[\epsilon]$, считая его «наиболее отвечающим контексту фразы», но воздерживается при этом от дополнения начала строки 7-й. Сохранившееся на камне в начале 7-й строки окончание слова $\dots\omicron\upsilon\varsigma$ она объясняет как окончание существительного мужского рода в винительном падеже множественного числа, предполагая, что здесь упоминаются части городских укреплений. Однако если предполагать в плохо сохранившемся слове, оканчивающемся на $\dots\omicron\upsilon\varsigma$, имя существительное, то оно никак не связывается с контекстом фразы. Между тем дательный падеж $\tau\eta\ \pi\acute{o}\lambda\epsilon\iota$ требует глагола, к которому слово $\tau\eta\ \pi\acute{o}\lambda\epsilon\iota$ могло бы служить дополнением. Этим словом и является первое слово 7-й строки, начало которого (одна буква) утрачено. Затем на камне совершенно отчетливо видны буквы $\pi\epsilon$ и далее острый угол пересечения нижнего левого конца утраченной буквы. У первых двух букв уничтожена лишь нижняя часть. Предшествующая им буква, от которой сохранилась только правая часть горизонтальной черточки вверх строки, легко может быть восстановлена как ϵ , а в лакуне, где уничтожена четвертая буква, можно предположить δ . Дополняя первую и четвертую буквы этого слова, его можно восстановить как $\epsilon\pi\iota[\delta]\omicron\upsilon\varsigma$. На приложении к изданию надписи рисунке сохранившиеся остатки букв начала этого слова переданы неправильно, в чем легко убедиться, сличив его с фотографией. От предшествующего ему слова в конце строки 6-й, начинавшегося с $\pi\lambda\epsilon\iota\omega\dots$ должны были зависеть слова $\tau\acute{\omega}\nu\ \pi\rho\omicron\gamma\omicron\nu\kappa\iota\acute{\omega}\nu\ \delta\rho\omega\nu$. Здесь родительный падеж логически указывает на сравнение: «в сравнении с прародительскими пределами». Дополнение следующего за этими словами слова $\pi\lambda\epsilon\iota\omega[\epsilon]$ мало подходит прежде всего потому, что наречие сравнительной степени от $\pi\acute{o}\lambda\upsilon\varsigma$ будет $\pi\lambda\epsilon\iota\omega\nu$, а не $\pi\lambda\epsilon\iota\omega\varsigma$. Кроме того, конец этого слова в количестве трех букв должен был быть перенесен на начало следующей 7-й строки перед словом $\epsilon\pi\iota[\delta]\omicron\upsilon\varsigma$, так как иначе остается незаполненное место в начале строки. Поэтому наиболее вероятным здесь можно считать дополнение $\pi\lambda\epsilon\iota\omega[\theta\acute{\epsilon}\nu\tau\alpha]$ — «преумноженные», то есть «расширенные». Оно, правда, не меняет общего смысла надписи, но, думается, более удачно согласуется с тем местом на камне, которое подлежит заполнению. Речь идет о трех буквах в начале 7-й строки и о двух в конце 6-й строки, так как иначе слово $\theta\epsilon\mu[\epsilon\lambda\iota\omega\nu]$ в конце 5-й строки слишком сильно выступало бы над коротким концом строки 6-й: $\pi\lambda\epsilon\iota\omega[\nu]$. Более оправдано предлагаемое нами дополнение и в стилистическом отношении, так как в качестве определения к $\tau\acute{\alpha}\ \tau\epsilon\iota\chi\eta$ оно согласовано с другим определением — $\kappa\alpha\tau\epsilon\nu\chi\theta\acute{\epsilon}\nu\tau\alpha$. Глагол $\pi\lambda\epsilon\iota\omega$ в литературных памятниках не встречался. Однако из боспорской эпиграфики (IOSPE, II, 353) известно аналогично построенное причастие $\mu\epsilon\iota\omega\theta\acute{\epsilon}\nu\tau\alpha$ (от глагола $\mu\epsilon\iota\omega$) в смысле «уменьшенные», что дает возможность считать вполне закономерным употребление здесь выражения $\pi\lambda\epsilon\iota\omega[\theta\acute{\epsilon}\nu\tau\alpha]$.

Если принять необходимые исправления транскрипции и предложенные здесь дополнения строк 6-й и 7-й, то текст надписи может быть воспроизведен в следующем виде.

1^οξ κ προγόνων βασιλέων βα[σιλεὺς μέγας]
 Τιβέριος [Ἰ]ουλιος Σαυρομάτης φιλοκάισαρ
 καὶ φιλορώμαιος εὐσεβής, ἀρχιερεὺς τῶν Σεβασ-
 τῶν διὰ β[ί]ου καὶ εὐεργέτης τῆς πατρίδος[ε],
 5 κατενεχθέντα τὰ τεῖχη τῆς πόλεως ἐκ θεμ[ελίων]
 ἀνήγειρε[ε]ν τῶν προγονικῶν ὄρων πλειω[θ\acute{\epsilon}\nu\tau\alpha]
 εἰπι[δ]οῦς τῆ πόλει δι' ἐπιμελείας Πιθ[ου]
 -----ς ἐν [τῶ...
 ἔπειτα] αἰ μνηὶ Ὑπερβερεταίω..

Относительно перевода и толкования текста надписи позволим себе также высказать некоторые замечания: в строке 5-й вряд ли правильно переводить $\kappa\alpha\tau\epsilon\nu\chi$ -

⁸ На фото, изданном В. Ф. Гайдукевичем, $\epsilon\iota$ ретушью исправлено на η .

χθέντα τὰ τεῖχη — «пришедшие в упадок стены». В надписи употреблены не совсем обычные в документах подобного рода и очень сильные по смыслу выражения — «снесенные» и «воздвиг» (κατενεχθέντα . . . ἀνήγειρεν). Просматривая изданные боспорские надписи о постройках, особенно многочисленные в Танаисе, мы видим, что для обозначения обветшалых, пришедших в упадок и восстановленных в прежнем виде сооружений употребляются выражения: χρόνω καταφθαρέντα или διαφθαρέντα⁹, а также ἡμελημένη ἀπό χρόνω или ἡμεληθείσα¹⁰ «запущенные от времени». Равным образом и для обозначения восстановительных работ употребляются глаголы οἰκοδομῶ «отстраивать»¹¹, ἐξαρτίζω «завершать», «оканчивать»¹² и ἀποκαθίστημι (ἀπεκατέστησα τῇ πόλει «восстановил[.] городу», т. е. «восстановил в прежнем виде городу»¹³). Слова нашей надписи κατενεχθέντα τὰ τεῖχη τῆς πόλεως ἐκ θεμελίων ἀνήγειρεν τῶν προγονικῶν ὄρων πλειωθέντα ἐπιδοῦς τῇ πόλει следует скорее буквально переводить: «снесенные стены города от основания воздвиг, дав городу преумноженные сверх прародительских пределов». Поэтому нельзя согласиться со словами Т. В. Блаватской: «трудно предположить, что была увеличена территория самого города, вероятно, речь идет о некотором расширении оборонительных сооружений». Слова эти сами по себе непонятны. Если не предположить расширения территории города, то как следует реально представлять расширение оборонительных сооружений? Если предположить постройку укреплений более мощных, но охватывающих прежнюю территорию, то непонятна оговорка, τῶν προγονικῶν ὄρων πλειωθέντα ἐπιδοῦς τῇ πόλει. Значение этой фразы в смысле увеличения, расширения «прародительских пределов» еще более усиливается употреблением глагола δίδωμι с приставкой ἐπι: ἐπιδίδωμι — «прибавляю», «даю больше». Приведенные слова текста надписи скорее всего свидетельствуют именно о том, что в связи с ростом города, расширением территории, застроенной домами богатых слоев населения, не вмещавшимися внутри стен, ограждавших «прародительские пределы», старые стены были снесены до основания и построены новые, охватывавшие более широкую застроенную площадь.

Т. В. Блаватская относит надпись ко времени Савромата I и обосновывает свое мнение двумя доводами: наличием в титулатуре царя эпитета εὐεργέτης τῆς πατρίδος и ссылкой на характер шрифта надписи. Не возражая против данной автором датировки, отметим, однако, что вывод этот слабо аргументирован. Остановимся на первом доводе. Если в надписях с именем Савромата II этот эпитет пока не встречался, то и из надписей с именем Савромата I Т. В. Блаватская смогла привести всего лишь одну, содержащую этот эпитет¹⁴, в то время как другие надписи эпитета «благодетель отечества» в составе титула Савромата I не содержат¹⁵, не говоря уже о тех, где имя царя упоминается лишь в качестве эпонима¹⁶. И если в дошедших до нас надписях, упоминающих Савромата II, эпитет εὐεργέτης τῆς πατρίδος отсутствует, то следует учесть, что в большинстве из них царь этот упоминается также лишь в качестве эпонима¹⁷. Что же касается надписи, сообщающей о воздвижении Савроматом II статуи римского императора¹⁸ и надписи, воздвигнутой в честь Савромата II хилиархом Менестратом¹⁹, то ведь и в приведенных выше надписях Савромат I «благодетелем отечества» также не назван. В то же время следует отметить, что эпитет «благодетель отечества» не являлся

⁹ IOSPE, II, 428, 431; IV, 447.

¹⁰ IOSPE, II, 432, 433, 434.

¹¹ IOSPE, II, 428, 431, 434; IV, 447.

¹² IOSPE, II, 430, 432, 435.

¹³ IOSPE, II, 427, 428, 430, 432, 433, 435.

¹⁴ IOSPE, II, 39.

¹⁵ IOSPE, II, 38, 352; IV, 446.

¹⁶ ИАК, вып. 23 (1907), стр. 46, № 32; Докл. АН СССР, 1930, № 12, стр. 224.

¹⁷ IOSPE, II, 57, 427, 428, 430, 431, 435; ИАК, вып. 37 (1910), стр. 39, № 2; вып. 58 (1915), стр. 34, № 2.

¹⁸ IOSPE, II, 34.

¹⁹ IOSPE, II, 357.

привилегией одного только Савромата I. Мы находим его не только у предшественника Савромата I — Рескупорида II²⁰, но и у преемника его Котиса II²¹. Кроме того, надпись IOSPE, II, 360, не сохранившая имени царя, но содержащая тот же эпитет, по характеру шрифта заставляет относить ее также ко времени не ранее второй трети II в. н. э., т. е., если не к Савромату II, то во всяком случае к кому-то из ближайших его предшественников. В силу этого вряд ли можно с полной уверенностью утверждать, что к Савромату II эпитет *εὐεργέτης τῆς πατρίδος* никогда не применялся. Таким образом, употребление или отсутствие в составе титулатуры царя эпитета «благодетеля отечества» вряд ли может служить надежным основанием для отнесения надписи к тому или другому правителю.

Ссылаясь на шрифт надписи, Т. В. Блаватская также по существу не приводит никаких аргументов для обоснования датировки, указывая, что начертания букв не отличаются какими-либо характерными особенностями, и отмечает лишь апексы, прямую поперечную черту α , параллельные верхнюю и нижнюю черты ϵ и вертикальные черты μ . Буквально, те же особенности находим мы и в надписях IOSPE, II, 28 — 243 г. н. э.; там же, 254—107 г. н. э.; там же, 351—124 г. п. э., изд. в ВДИ, 1949, № 4, стр. 133, рис. 2 — 187 г. н. э. и в других, относящихся к первым векам н. э. Не ставя перед собой задачи дать в краткой заметке развернутую характеристику эпиграфических шрифтов Боспора I—II вв. н. э., считаю нужным кратко остановиться на особенностях форм букв лишь наиболее характерных надписей времен Савромата I и Савромата II. Это необходимо для выяснения вопроса об отнесении нашей надписи к тому или другому из этих правителей на основании особенностей шрифта.

Для горгинопольских надписей времени Савромата II характерным является тщательный и изящный, несколько вычурный шрифт со специфической формой δ с выступающими вправо концами горизонтальных линий и ω , состоящей из трех отдельно начертанных частей, украшенных раздвоенными апексами. Шрифт этот хорошо известен по надписи горгинопольского фиса навклеров²², многочисленных надписей Горгинополья и других боспорских центров того же времени. Правда, иной характер шрифта представляют надписи Савромата II — пантикапейская IOSPE, II, 34 и гермонасская — там же, 357, начертание которых, на первый взгляд, несмотря на ломаную перекладную α , близко напоминает шрифт нашей надписи. Однако здесь наклонные черточки μ пересекаются с вертикальными, не доходя до их верхних концов, концы нижней горизонтальной линии δ выступают за углы пересечения с наклонными и украшены апексами в виде коротких перпендикулярных насечек, φ тяжеловесное, с кружком крупных размеров, занимающим всю высоту строки, короткие поперечные черточки γ и θ , в отличие от надписей конца I — начала II в.²³, где они не доходят до пересечения и кончики их украшены апексами, занимают всю ширину буквы, пересекаясь с вертикальными чертами γ и кружком θ . Прямая поперечная линия α для надписей первых веков н. э. не является показателем более раннего времени, чем α с ломаной перекладной, так как ломаная перекладная α появляется значительно раньше: вспомним хотя бы надписи Фарнака²⁴, Асандра и Динамии²⁵.

Таким образом, не состав эпитетов в титулатуре, а именно особенности шрифта надписи дают нам основание относить новую строительную надпись из Горгинополья ко времени Савромата I.

Значение новой строительной надписи из окрестностей Анапы в общем составе эпиграфических памятников древней Горгинополья чрезвычайно велико. Горгинополья находилась под управлением специального наместника, должность которого засвидетель-

²⁰ IOSPE, II, 355; ИАК, вып. 37, стр. 70, № 7.

²¹ IOSPE, II, 27.

²² ИАК, вып. 37 (1910), табл. II.

²³ IOSPE, II, 38, 352, 254, 39; IV, 202.

²⁴ КСИИМК, 37 (1951), стр. 225, рис. 74 з, IOSPE, IV, 200.

²⁵ IOSPE, II, 25, 356; IV, 201, 420; ИАК, вып. 37, стр. 15.

ствована в надписях со 110 г. н. э.²⁶, но была учреждена, вероятно, значительно раньше, возможно одновременно с должностью «наместника острова», упоминаемой уже в надписи времен Аспурга²⁷.

В период нового подъема экономической жизни Боспора наступает время наивысшего процветания и для Горгиппии²⁸. Факт необходимости расширения городской территории говорит прежде всего о значительном приросте городского населения, оживлении городской жизни, о том значении, которое придавал Савромат I этому городу, и о его заботах об обороноспособности Горгиппии. Правители Боспора, связанные тесными узами с местной синдской и сарматской знатью²⁹, опирались на правящие слои боспорских городов, где местная знать играла в то время ведущую роль. Пользуясь поддержкой римлян, заинтересованных в боспорском хлебе, цари Боспора заботились и об экономическом процветании городов и о поддержании их оборонной мощи. Внимание царей Боспора к городам проявлялось в разнообразных формах. Надписи сообщают нам о строительной деятельности царей в городах азиатской стороны Боспора³⁰. Из нашей надписи мы узнаем, что Савромат I оказал Горгиппии особое внимание, расширив городскую территорию и построив новые городские стены³¹.

О связях царей Боспора с деловыми кругами горгиппийского общества и об участии в торговой жизни высших государственных чиновников и городских магистратов с полной ясностью говорит надпись горгиппийского фиаса навклеров времени Савромата II³². От II в. и особенно от второй его половины до нас дошло большое количество обломков надписей горгиппийских фиасов. Этот факт сам по себе свидетельствует о высоком подъеме экономической жизни города и дает разъяснение мотивов, которыми руководствовались цари Боспора, посвящая Горгиппии свое внимание и заботы.

К НАДПИСИ В ЧЕСТЬ БОСПОРСКОГО ЦАРЯ

Обломок мраморной плиты с греческой надписью был приобретен в 1902 г. в Керчи у вдовы антиквара Тульмана и хранится в Одесском археологическом музее (рис. 10). В 1904 г. В. В. Латышев опубликовал эту надпись по копии и эстампажу Э. Р. Штерна³³, не имея возможности сличить эту копию с оригиналом. Этим, вероятно, и следует объяснить неточности в чтении текста, ошибочные дополнения и датировку при публикации надписи. Небольшие уточнения следует внести также и в описание камня. Так, высота плиты — 0,43 м, но ширина 0,43 м (а не 0,34 м), толщина — 0,34 м (а не 0,28 м). Обломок, как уже отметил В. В. Латышев, сохранил верхний и правый края плиты. Высота букв — 0,027—0,036 м. На сохранившейся части левой грани плиты имеется прямоугольный наиз 17 × 18 см, не доходящий до поверхности, покрытой над-

²⁶ ИАК, вып. 23, стр. 46, № 32.

²⁷ IOSPE, II, 36.

²⁸ В. Ф. Гайдукевич, Боспорское царство, М.—Л., 1949, стр. 218.

²⁹ Гайдукевич, ук. соч., стр. 325; он же, сб. «Античные города Северного Причерноморья», стр. 134.

³⁰ IOSPE, II, 352.

³¹ Отсутствие планомерных археологических исследований на территории Анапы и ее ближайших окрестностей не дает до сих пор возможности выяснить точное местоположение города Горгиппии; поэтому свидетельство данной надписи о расширении пределов города не может служить конкретным указанием на местоположение снесенных более древних стен и новых, построенных Савроматом I. Неясным остается также вопрос, насколько далеко отстояло место воздвижения стен, о которых говорит надпись, от места ее обнаружения.

³² С. А. Жебелев, Северное Причерноморье, М.—Л., 1953, стр. 204—216.

³³ В. В. Латышев, Эпиграфические новости из Южной России (находки 1901—1903 годов), ИАК, вып. 10 (1904), стр. 29 сл., № 22. Позже с издания В. В. Латышева надпись была переиздана R. S a g n a t, Inscriptiones Graecae ad res Romanas pertinentes, I, № 885.

писью. Это дает возможность предполагать, что впоследствии плита была разделена на две части с целью вторичного ее использования для какого-то сооружения, причем левая часть ее оказалась утраченной. Поверхность, на которой вырезана надпись, пострадала не только от выветривания, но и от ударов острым инструментом; почти полностью уничтожена первая строка, концы остальных строк (2-й—7-й) сохранились сравнительно хорошо.

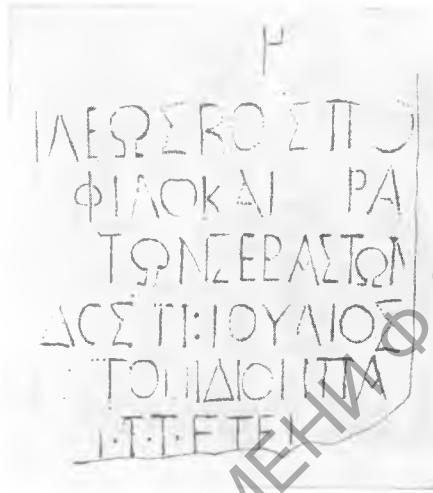

Рис.10. Прорисовка с надписи изд. ИАК, вып. 10 (1904), стр. 29—30, № 22

На основании ясно сохранившихся на камне отдельных слов, представляющих обычные эпитеты титулатуры царей Боспора, — *φιλοκαίρα* (стк. 3), ... *τῶν Σεβαστῶν* (стк. 4), а также ... *τὸν ἴδιον...* (стк. 6), следует согласиться с мнением В. В. Латышева, что надпись относилась к разряду так называемых «почетных», т. е. представляла подпись под статуей царя Боспора.

Дополнения В. В. Латышева вызывают сомнение прежде всего потому, что, несмотря на сохранившийся правый край плиты, в предложенной им транскрипции он дополнял продолжения строк (вправо). Это ведет прежде всего к неправильному дополнению строки 1-й, которая получается несоразмерно короткой в сравнении с остальными строками.

Переходя к чтению сохранившегося на камне текста, отметим: в строке 2-й, после прочтенного В. В. Латышевым слова *βασιλέως* вместо букв *ροικ*, которые видел В. В. Латышев, дополнявший их *Ροικ[ητάλιου]*, мы видим на камне вполне отчетливо буквы *βοστ* и в конце строки — слабые контуры *ο*, т. е. *βοστο*, что нетрудно дополнить — *Βοσπ[ό]δ[ρου]*. В строке 3-й, перед сохранившимся на камне словом *φιλοκαίρα*, видна *ς*. Чтение строки 4-й: ... *τῶν Σεβαστῶν*, и 5-й: ... *ἄς Τι: Ιούλιος* не вызывает сомнений. Отметим только, что после букв *τι* (сокращение имени *Τιβέριος*) на камне в качестве знака сокращения — двоеточие. Строка 6-я прочтена явно неточно: то, что В. В. Латышев принял в начале строки за *δ*, представляет в действительности скол поверхности камня, за которым в начале строки достаточно ясно читается *τον*; после *ν* В. В. Латышев не рассмотрел *ι* перед *δ*, а вырезанные после *δ* буквы *ιο* принял за *κ* и не разобрал следующую за *ο* букву *υ*, отметив лишь в конце строки *πα*. Между тем строка 6-я читается достаточно ясно: *τὸν ἴδιον πα...* Чтение строки 7-й оказалось совершенно неудачным. Вместо набора знаков, которые В. В. Латышев отказался как бы то ни было осмыслить в предложенной им транскрипции, на камне мы видим вполне ясно читающееся в конце строки слово *ἔται*, а

перед ним слева: нижний конец вертикальной черты, затем не вполне ясный знак, имеющий одну вертикальную черту с плохо сохранившейся обращенной влево головкой, и наконец — τ. После каждого из перечисленных знаков, в качестве обозначения разделения, поставлены точки, указывающие, что знаки перед словом ἔτει имеют каждый самостоятельное значение, а не составляют слова. Из этого можно заключить, что знаки перед словом ἔτει означают цифры и сообщают год по боспорской эре. Сохранилось обозначение сотен — Τ (300) и десятков — здесь, как только и можно предположить, не вполне правильно начертанный или плохо сохранившийся знак 4 (коппа) т. е. цифра 90. Что же касается сохранившейся нижней части вертикальной черты перед этим знаком слева, то она могла принадлежать γ или η и обозначать, таким образом, цифры 3 или 8, или относиться в качестве iota adscriptum к артиклю τῶι.

При восстановлении утраченных частей текста и определении первоначальной длины строк следует исходить прежде всего из совершенно бесспорно дополняемой строки 4-й. Поскольку сохранившийся текст первых строк безусловно составляет обрывки царской титулатуры, обычной на Боспоре первых веков н. э., и в конце 3-й строки стоит слово φιλοκαίσαρα, строка 4-я дополняется: [καὶ φιλοφωμαιον εὐσεβῆ ἀρχιερέα] τῶν Σεβαστῶν. Таким образом, строка 4-я содержала 39 букв. Поэтому при дополнении остальных строк следует придерживаться примерно близкого к этому количества букв. Исходя из этих соображений, можно с полной уверенностью восстановить часть утраченного текста надписи в следующем виде:

- 1 [Τὸν ἐκ προγόνων βασιλέων βασιλέα Τιβερίου
'Ιούλιον..... βασι]λέως Βοσπό-
[ρου..... εὐσεβοῦς φιλοκαίσαρα
[καὶ φιλοφωμαιον εὐσεβῆ ἀρχιερέα] τῶν Σεβαστῶν
- 5 [διὰ βίου καὶ εὐεργέτην τῆς πατρί]δος Τι·'Ιούλιος
..... τὸν ἴδιον πα-
[τέρα..... ἐν τῶ]ι 4τ' ἔτει.

Ни одного царского имени на камне не сохранилось. Для суждения о том, какому из царей Боспора была воздвигнута статуя и кто ее поставил, следует исходить из частично сохранившейся даты, которую предлагаем читать: 390 г. б. э. = 93 г. л. э. Ввиду того, что лицо, поставившее статую, носило имя Тиберий Юлий без предшествовавшего ему слова βασιλεύς, можно заключить, что лицо это принадлежало к царскому роду, но в момент установки статуи не занимало царского престола. На этом основании следует думать, что статуя была поставлена царствовавшему еще в то время царю Рескупориду II незадолго до его кончины. Соорудил статую наследник Рескупорида II Савромат в 390 г. б. э., но не позже, так как, если принять дополнение в строке 7-й даты γ] 4τ' или η] 4τ', то перед именем Тиберия Юлия в строке 5-й должно было бы стоять слово βασιλεύς, что невозможно, так как перед ним сохранился конец слова πατρί]δος. Поэтому наиболее вероятным следует считать восстановление в строке 2-й имени Рескупорида, в строке 3-й имени его отца Котиса, в строке 6-й имени Савромата с указанием его происхождения от Рескупорида. По этим соображениям предлагаем здесь наиболее вероятное восстановление первоначального текста надписи в следующем виде:

- 1 [Τὸν ἐκ προγόνων βασιλέων βασιλέα Τιβερίου
'Ιούλιον 'Ρησκούποριν υἱὸν βασι]λέως Βοσπό-
[ρου Κότιος τοῦ 'Ασπούργου εὐσεβοῦς φιλοκαίσαρα
[καὶ φιλοφωμαιον εὐσεβῆ ἀρχιερέα] τῶν Σεβαστῶν
- 5 [διὰ βίου καὶ εὐεργέτην τῆς πατρί]δος Τι(βέριος) 'Ιούλιος
Σαυρομάτης 'Ρησκούπεριδος υἱός] τὸν ἴδιον πα-
[τέρα καὶ εὐεργέτην ἀνέστησα ἐν τῶ]ι 4τ' ἔτει.

Эпитеты в титулатуре Рескупорида восстановлены здесь в соответствии с надписью под статуей этого царя, воздвигнутой в Горгишии от имени народного собрания этого города ³⁴. Новым в титулатуре этого царя в нашей надписи является только наименование его «царем Боспора» (строки 2-я, 3-я). Эпитет βασιλέως Βοσπορίου, читающийся здесь, как нам кажется, бесспорно, в составе титулатуры Рескупорида II пока неизвестен. Однако в надписи из Тамани ³⁵ Савромат I назван «великим царем царей всего Боспора» (βασιλεὺς βασιλέων μέγας τοῦ σαρματιῶτος Βοσποροῦ). Что же касается Рескупорида II, то в цитированной уже надписи из Горгишии В. В. Латышев в начальных буквах строки 7-й ΡΟΝ считал возможным предположить окончание слова Βοσπορίου и дополнить строку 6-ю: ὁ δῆμος Γοργυπιέων οἰκοῦντων κατὰ Βοσπορίου. Но он воздержался от внесения этого дополнения в текст публикуемой им надписи ввиду отсутствия аналогичных упоминаний в других горгишских надписях. Однако, может быть, сохраняя предложенное В. В. Латышевым дополнение конца строки 6-й горгишской надписи Βοσπορίου, слово это возможно связать не с «обитавшими на Боспоре горгишцами», а с властью Рескупорида II над Боспором как «владельца Боспором благодетеля» народа горгишцев, и дополнить строку 6-ю горгишской надписи: [κρατοῦντα τῶν Βοσπορίου].

Шрифт нашей надписи, не отличающийся большой тщательностью и высоким мастерством резчика, тем не менее очень характерен для своего времени — последних десятилетий I в. — начала II в. н. э. В качестве основных его особенностей можно отметить следующие: несколько вытянутая, продолговатая форма букв, особенно выраженная в начертаниях букв ε, ζ, α, δ, υ, отсутствие апесков, легкие, едва заметные утолщения на концах букв, ρ с очень маленькой головкой, χ с укороченными ножками, π с выступающими за пересечение концами горизонтальной черты, η особенно характерная форма ω. Эти особенности шрифта нашей надписи находят свои параллели среди надписей Пантикапея, Таманского полуострова и Горгишии. В качестве примеров можно привести начертанные также на мраморе: пантикапейскую надпись фиаса Зевса и Геры Спасителей 82 г. н. э. ³⁶, цитированную уже надпись в честь Рескупорида II из Горгишии и две надписи 105 г. н. э.: одна из них из Гермонассы, сообщающая от имени Савромата I о восстановлении портиков храма Афродиты Апатуриды ³⁷, а вторая — об отпущении раба, происходящая, по-видимому, из городища Ахиллия ³⁸.

В начале II в. н. э. отмеченная выше, характерная для данного шрифта форма ω начинает претерпевать изменения: так, в танаисской надписи фиаситов, справлявших в 104 г. н. э. праздник «день Танаиса» ³⁹, с очень близким к нашей надписи характером шрифта, в начертании ω отсутствуют уже две параллельные вертикальные черточки, составлявшие как бы «шейку» и соединявшие верхнюю закругленную часть буквы с нижней, состоявшей из двух горизонтальных черточек, лежавших на нижней линии строки. В первой половине II в. н. э. в надписях Боспора форма ω, отмеченная в нашей надписи, встречается все реже, и наряду с ней развивается и к середине II в. преимущественно входит в употребление форма ω, состоящая из полукруга с загнутыми в середину концами и не соединенными с верхней частью двумя горизонтальными черточками на нижней линии строки — форма, особенно характерная для середины и второй половины II в. н. э.

³⁴ В. В. Л а т ы ш е в, Эпиграфические новости из Южной России. (Находки 1909 и 1910 годов), ИАК, вып. 37, стр. 70 слл., № 7.

³⁵ IOSPE, II, 358 (ср. ИАК, вып. 47, 1913, стр. 113—115).

³⁶ Л. П. Ч у н с т о в а, Надпись фиаса из Пантикапея, ВДИ, 1955, № 3, стр. 207 и слл.

³⁷ IOSPE, II, 352.

³⁸ Н. И. Н о в о с а д с к и й, Докл. АН СССР, 1930, № 12, стр. 223 слл.

³⁹ Т. Н. К н и п о в и ч, Танаис, 1949, стр. 117—118.

К НАДПИСИ IOSPE, II, 421

Уже в восьмидесятых годах прошлого века, когда В. В. Латышев изучал на Царском кургане это надгробие, делал эстампаж и снимал копию надписи, он отметил, что надпись была сильно повреждена. Действительно, камень сильно выветрился и от долгого лежания под открытым небом покрылся мхом, еще более повредившим поверхность. Это обстоятельство создало значительное затруднение для чтения надписи. В своем издании В. В. Латышев датирует ее «римским временем» и предлагает чтение текста в следующем виде: $\text{Ἀμφί[σ]ων ὁ ἐκ τῶν ἐννοῦχων}$.

В издании Кизерицкого и Ватцингера⁴⁰ принято чтение В. В. Латышева, за исключением имени погребенного, которое предлагается читать Ἀμφείων , причем никакие повреждения текста в предложенной транскрипции не отмечены. Работа над

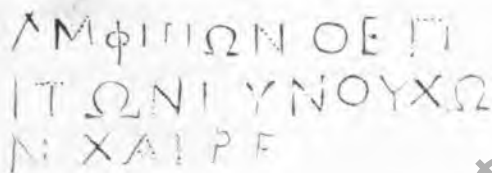

Рис. 11. Надпись Амфитиона, начальника евнухов

подготовкой второго издания II тома IOSPE, В. В. Латышев на основании тщательного изучения эстампажа исправил чтение Ἀμφί[σ]ων на Ἀμφί[τ]ων ⁴¹. Таким образом, текст надписи можно перевести: «Амфитион, тот, что из евнухов, прощай!». При таком построении фразы нельзя не отметить, однако, некоторую искусственность: если Амфитион принадлежал к числу евнухов, то скорее можно было бы ожидать: $\text{Ἀμφί[τ]ων ὁ ἐννοῦχος}$, вместо $\text{Ἀμφί[τ]ων ὁ ἐκ τῶν ἐννοῦχων}$, т. е. «Амфитион евнух», а не «Амфитион из евнухов».

В настоящее время при проверке чтения предшествующих издателей, предпринятой после тщательной очистки поверхности камня, чтение В. В. Латышева имени Ἀμφίτων подтвердилось, так как на камне между ϕ и ω отчетливо можно разобрать: одну букву ι после ϕ и другую ι перед ω , а между ними — вертикальную черту буквы τ . Что же касается остального текста, то сходство чтения В. В. Латышева с камнем заставляет внести следующие уточнения: в конце строки 1-й после ϵ , где В. В. Латышев штриховкой отметил свободное место (вероятно, понятое им как пропуск вследствие повреждения поверхности плиты), в действительности отчетливо читается буква π , а в начале второй строки, перед τ , не κ , как читал В. В. Латышев, а ι . В строке 3-й в слове $\chi\alpha\iota\rho\epsilon$ различается ι . Таким образом, исправленное чтение текста надписи мы получаем в следующем виде: $\text{Ἀμφίτων ὁ ἐπὶ τῶν ἐννοῦχων}$ (рис. 11).

Уточнение чтения дает возможность несколько иного понимания текста: из эпиграфических документов известно, что на Боспоре, подобно другим эллинистическим государствам, должностные лица, возглавлявшие какие-либо административные ведомства, или заведующие какой-либо специальной отраслью царского двора и имевшие в своем распоряжении подведомственный им штат, обозначались специальным термином — $\delta\ \epsilon\pi\iota$... В данной надписи мы находим название еще од-

⁴⁰ G. von Kieseritzky und K. Watzinger, Griechische Grabreliefs aus Südrussland, В., 1909, стр. 80, № 452, табл. 32.

⁴¹ Рукописные материалы В. В. Латышева в Архиве Академии наук СССР в Ленинграде.

ной, до сих пор не известной должности — «заведующий евнухами» или «начальник евнухов».

Кизерицкий и Ватцинер уже отмечали, что данная надпись является единственной на юге России, упоминающей евнухов. Чтение $\delta\ \epsilon\pi\iota\ \tau\omega\nu\ \epsilon\upsilon\nu\omicron\upsilon\chi\omega\nu$ дает возможность сделать некоторые дополнительные выводы. Поскольку место находки камня неизвестно, В. В. Латышев отнес его к числу пантикапейских лишь условно. Но самое упоминание «начальника евнухов» заставляет предполагать пантикапейское происхождение надгробия, так как наличие такой должности возможно представить только в обстановке царского двора. Кизерицкий датирует это надгробие началом I в. н. э. Характер письма, насколько о нем можно судить при плохой сохранности надписи, допускает возможность более широкой датировки: 2-я половина I в. до н. э. — начало I в. н. э.

В греческих городах рабы-евнухи были редкостью. В то же время хорошо известно, какую большую роль играли евнухи в восточных царствах, особенно при дворе персидских царей⁴². От персов использование евнухов для обслуживания царского двора было заимствовано эллинистическими царями (Селевкидами, Птолемеями). Но особенно большую роль рабы-евнухи играли при дворе Митридата Евпатора, который ввел у себя официальное многоженство по персидскому образцу и создал гарем. Евнухи использовались Митридатом не только как стражи гарема, которым царь доверял надзор и попечение о своих женах и дочерях⁴³, но также и в качестве его личных слуг, ухаживавших за его особой, и врачей. Евнухи пользовались большим доверием Митридата, особенно в последний период его жизни. Они служили интимными советчиками, исполнителями его тайных и часто преступных поручений и оказывали влияние даже на политические дела. Известно, что в последние годы жизни, находясь в Пантикапее, Митридат пользовался услугами врачей-евнухов⁴⁴, поручал евнухам сопровождать своих дочерей, посланных в замужество к скифским династам⁴⁵. Опираясь на доверие царя, евнухи своей наглостью и жестокостью снискали всеобщую ненависть войска и населения, которое в момент всеобщего восстания в Пантикапее выражало свое негодование против царя, «предавшегося евнухам»⁴⁶.

Поэтому вряд ли следует предполагать, что рабов-евнухов как особый штат придворных служителей использовали на Боспоре еще во времена Спартокидов. Скорее это можно связать с переездом в столицу Боспора царского двора Митридата. Можно также думать, что после восстания 63 г., охватившего важнейшие города Боспора и повлекшего за собой гибель царя, сколько-нибудь значительное влияние евнухов на придворную и политическую жизнь в Пантикапее прекратилось. Однако, как показывает надгробие начальника евнухов Амфитиона, использование рабов-евнухов для обслуживания царского дворца⁴⁷ и представителей царского дома продолжалось. Следует обратить внимание, что «начальник евнухов» Амфитион изображен в обычной одежде боспорского воина: в коротком панцире, сапогах и плаще, он вооружен длинным мечом, копьём и кинжалом, что, может быть, свидетельствует о его обязанностях по охране безопасности дворца и его обитателей. Принадлежал ли и сам Амфитион к числу евнухов, судить трудно. Отсутствие же патронимика говорит о том, что по социальному положению он был рабом или царским вольноотпущенником.

А. И. Болтунова

⁴² Herod., III, 77; VIII, 104—105; Xen., Cyrop., VII, 3, 15—16; 5, 58.

⁴³ Amm. Marc., XVI, 7, 8.

⁴⁴ Arr., Mithr., 107.

⁴⁵ Arr., Mithr., 108.

⁴⁶ Arr., Mithr., 110.

⁴⁷ Ср. Гайдукевич, Боспорское царство, стр. 342.